

ПЕРВЫЙ ПОСОЛ

ЭТО было двадцать лет назад. Приближалась знаменательная дата — 80-летие со дня рождения А. М. Горького. Деятельно готовились к ней и советские воины, находившиеся в группе войск в Германии, и немецкая интеллигенция.

На редакционной летучке газеты группы советских войск зашла речь о том, что хорошо было бы собрать материалы о пребывании Горького в Германии, его связях с деятелями немецкой культуры. Идея понравилась, и тут же была выделена комиссия для подготовки номера. В нее вошел и автор этих строк.

Мы узнали, что в Доме Общества по изучению культуры Советского Союза (позже оно было переименовано в Общество германо-советской дружбы) готовится выставка на нужную нам тему. Среди материалов, добытых из тайников периода нацистского режима, оказался сборник рассказов Горького, пролежавший закопанным в земле много лет, экземпляр романа «Мать», который тоже находился в подполье, немало других реликвий, о каждой из которых можно написать рассказ. Но мое внимание привлекла фотография старейшего немецкого артиста Эдуарда фон Винтерштейна в роли Васьки Пепла из пьесы «На дне». Фото показало мне знакомым. Но где именно я его видел — не мог вспомнить. И только за кулисами театра, где мы встретились с Эдуардом фон Винтерштейном, все выяснилось.

...В начале июля 1945 года

наши части вошли в город Гота, где раньше находились американцы. В одном из окон дома на Шиллерштрассе солдаты увидели фотографию молодого человека, а под ней надпись: «Здесь живут друзья русских. В этом доме жил известный немецкий артист, который играл в пьесе Горького «На дне» роль Пепла».

Это был тот самый снимок, что позже я увидел на выставке. А теперь жизнь свела меня с человеком, чья фотография так много сказала нашим солдатам в незабываемые дни.

Старый артист встретил нас очень дружелюбно.

— Что я помню о Горьком? — переспросил он. — Ведь Горький — это моя молодость... С тех пор прошло почти полвека, да какие годы! Я работал в Театре имени Лессинга. Играл машиниста Нила в пьесе Горького «Мещане». Но как-то позвонил мне директор и режиссер берлинского Малого театра Макс Рейнгардт и сообщил, что из России получена новая пьеса Максима Горького «На дне» и одна из ролей будто бы специально написана для меня. И хотя я был связан договором с Театром имени Лессинга, после прочтения пьесы Горького не мог отказать играть в ней роль Васьки Пепла — уж очень она пришлась мне по душе. Работали мы там чертовски увлеченно. Режиссуру вел Рихард Валентин. Он же готовил роль Сатина.

И вот наступил день премьеры. Мы все волновались, как пройдет первый спектакль. Это было 23 января 1903 года.

Эдуард фон ВИНТЕРШТЕЙН в роли Васьки Пепла в пьесе М. Горького «На дне». 1903 г.

Спектакль прошел с блеском. Все играли чудесно. Успех был огромный. Чего-либо подобного я в своей длинной артистической жизни не переживал. Десятки раз поднимался и опускался занавес. Пьеса шла с полным аншлагом беспрерывно весь год, а всего была поставлена около шестисот раз.

Макс Рейнгардт написал Максиму Горькому, и вскоре пришел ответ. Горький сердечно поздравил весь коллектив театра с успехом. Он писал, что ничто так не объединяет людей, как искусство.

А в марте 1906 года в Берлин приехал сам Максим Горький. Здесь его встретили с большим ликованием. Когда он был заключен царскими властями в Петропавловскую крепость, передовая немецкая общественность развернула

широкую кампанию за его освобождение. Газета «Берлинер Тагеблатт» поместила воззвание «Спасите Горького!» и ежедневно печатала материалы о ходе кампании против ареста всемирно известного русского писателя. Возникли комитеты по спасению Горького. Под письмом, направленным царскому министру требованию освобождения Максима Горького, стояло 269 подписей передовых деятелей немецкой науки и культуры. И когда Алексей Максимович появился в Берлине, все газеты ежедневно помещали отчеты о том, где он был, что делал. В витринах магазинов были выставлены его портреты, произведения, открытки, ему посвященные...

В те дни в Берлине находился Московский Художественный театр, который показывал пьесы «На дне» и «Дети солнца». Они шли с большим успехом. А 10 марта состоялся литературный вечер, посвященный творчеству Горького.

Есть и свидетельство Василия Ивановича Качалова об этом замечательном вечере:

«...театр был переполнен... Алексей Максимович читал «Песню о Соколе», Рейнгардт — на немецком языке — монолог Луки из «На дне». Очень популярный тогда в Германии артист Шильдкраут, тоже немецки, читал горьковскую «Весеннюю мелодию», а я читал «Буревестника» и «Ярмарку в Голтве». Помню, как горячо и шумно публика приветствовала Горького, встала при его появлении. Треск аплодисментов, крики «хо-х!»...

Хорошо помню, как на сцене ко мне подошел совсем молодой тогда Карл Либкнехт и шепнул мне по-немецки:

— Хотите посмотреть уголок зоологического сада, зверей в клетке, здесь же, в театре?

И он показал мне место сбоку в кулисах, откуда видны были сидящие в крайней литерной ложе, выходящей на сцену, сыновья кайзера Вильгельма во главе с кронпринцем. Кронпринц, прикрываясь занавеской от публики, внимательно, со злобно и глупо разинутым ртом уставился на Горького, читавшего «Песню о Соколе». Рядом сидели офицеры его свиты и, похлопывая моноклями, тоже таращили глаза на Горького».

...— Да, — сказал Эдуард фон Винтерштейн, — приезд Горького в Берлин вызвал у нас всех творческий подъем. Это был первый великий посол новой русской культуры. Для нас, артистов, это был настоящий праздник. Алексей Максимович пришел и к нам в театр. Беседа с ним на всю жизнь запала в сердце. Помню, как искренне радовался режиссер и исполнитель роли Сатина Рихард Валентин. В честь Горького он позже, когда родился его второй сын, назвал его Максимом, который тоже, идя по стопам отца, стал артистом.

Могу добавить, что теперь Максим Валентин — известный в ГДР деятель театральной культуры, руководитель Берлинского театра имени М. Горького. Выступая на 7-м съезде СЕПГ, делегат Максим Валентин под бурные аплодисменты рассказал о том, как театр, носящий имя зачинателя социалистического реализма, пропагандирует наследство Горького.

М. ОЗЕРОВ

ЯЛТА